

Рос. муз. газета, 2000 - № 1 - с. 10

Самый традиционный человек

Когда-то музыкальная профессия подразумевала умение исполнять, дирижировать, сочинять, импровизировать, причем на различных инструментах. А еще раньше, например в средневековой Европе, на стоящий музыкант просто должен был владеть богатейшим инструментарием.

Сейчас взгляд на этот предмет несколько изменился, принято в совершенстве овладевать одним, в крайнем случае, двумя-тремя близкими по строению инструментами или родственными видами деятельности. Однако знакомство с мультиинструменталистом Владимиром Лазерсоном вполне может вернуть нас на некоторое время в прошлое.

Перечислять все инструменты, которыми он владеет, довольно сложно. Достаточно сказать, что это и струнные щипковые (лютня, мандора и множество самых экзотических, подобных им), и деревянные духовые (флейты, свирели), деревянные тростевые (шалюмо, бомбарда, волынка, варган) и ударные. А вот его музыкальные интересы принадлежат исключительно сфере традиционной музыки: этническая музыка разных народов, старинная музыка Западной Европы, особенно кельтская (шотландская, ирландская, бретонская, валлийская). Занимался он и современной музыкой, сотрудничая с ансамблями "Мадригал", "Hortus Musicus", "Московский концерт" ("Аргышев-концерт"), Марком Пекарским, А. Шилклопером. Сейчас он совместно с Тамарой Смысловой руководит ансамблем "Волки и овцы" (программы "Кельтская Европа" и "Славянская Русь"), работает в ансамбле "Simhor", который исполняет кельтскую музыку, собирает огромную аудиторию почитателей.

— Как Вы, бывший театральный художник, отнеслись бы к какому-либо синтетическому действу,

представлению по интересующей вас тематике с участием музыкантов, актеров, танцовщиков? Как пример, можно вспомнить знаменитые шоу из ирландских танцев и разнообразной музыки Майкла Флетли.

— Как средство приобщения к традиционной культуре это имеет смысл, но я не поклонник спектаклей и представлений, считаю их в достаточной мере искусственными и надуманными.

— А может ли возникнуть, например в Москве, образовательный центр, где занимались бы традиционной музыкой. Стали бы вы там преподавать?

— Вполне возможно. Ведь это работа на нашу культуру. Что может быть лучше погружения в традицию!

— Считается, что именно вы первым стали исполнять в концертах старинной музыки кельтский фольклор.

— Да, это так. Но хотя именно кельтская музыка привлекла внимание, традиции других народов тоже очень интересны мне.

— А, например, арабская музыка вас привлекает?

— Конечно! У меня был такой инструмент — армянский уд, исконно армянский инструмент, то самое, что превратилось в европейскую лютню (по-арабски — аль-хут). Это та же лютня, только без ладов.

Восточные люди не нуждаются в темпериции. У них темпериция в душе. И одновременно этот исконно арабский инструмент — один из основных инструментов западноевропейской готики. X—XIII век в Европе дал музыку, неразрывно связанную с музыкой Востока, особенно на юге Европы (Франция,



Италия). Ярко, слышно это в шансонах труверов.

— Вероятно, для вас важно глубокое проникновение в изучаемую культуру?

— Я не всегда знаю язык народа, традиция которого меня интересует. Но мне кажется, если то, что мне очень нужно, действительно мое, Бог поможет мне обрести это.

— А что, был такой особенный случай?

— Многие инструменты, которые по-настоящему интересовали меня, появлялись настолько неожиданно, что я понимал — мне стоит заниматься именно этим. Взять историю появления у меня волынки, этого ключевого инструмента кельтской традиции. Он ключевой в любом фольклоре, но в кельтском это

классика, как индийский ситар, который есть в разных странах, но только в Индии он главный. Она пала ко мне в руки в первый раз, когда я работал в театре Ленком, участвовал в спектаклях "Гамлет" и "Женитьба Фигаро". При постановке "Фигаро" театру понадобилось пять волынщиков, и они обратились ко мне, уверенные, что я общался с любым возможным экзотическим инструментом, как знаменитый Феликс Иванов, который сейчас живет в США. Волынки делали из кислородных подушек на комбинате, но все равно я был очень рад пообщаться с этим инструментом, настроил их в нужном количестве и обучил волынщиков. А затем, не без помощи одной фирмы — производителя шотландского виски, обо мне услышали в Шотландии, и через Би-Би-Си Глазго и газету города Инвернес некий дедушка Маккензи заочно познакомился со мной. Узнав, на каком инструменте я играю, снял со стены свою волынку и прислал ее мне.

— И все-таки, что в искусстве, музыке для вас важно?

— Я не человек искусства, не люблю его. Я люблю традицию, которая бытует в том или ином этническом центре, и мастерство, колдовство этого дела. Мне кажется, что колдовство — это самая высокая степень профессии, когда ты заставляешь трепетать какие-то особые сферы. Никак нельзя считать мастерством только степень беглости пальцев, хотя это не помешает и дает большие возможности. В других культурах это хорошо осознается. Например, в Индии семь лет занимают только звукоизвлечением (в музыкальной шко-

ле), никаких мотивчиков не играют. А у нас играют Шопена. Для меня искусство в обычном понимании — это изысканное изощрение фантазии и мастерства исполнения. Мне кажется, на сцене должно быть или совсем по-настоящему, как у гладиаторов, или совсем никак. Но я такой человек, что, наверное, не пожертвую очередным новым инструментом и лучше буду его изучать, чем дам лишний концерт.

— А могли бы вы обойтись совсем без исполнительства, занимаясь только изучением традиций и инструментов?

— Без зрителей и отзывов возможно обойтись, но я не могу не играть, я не теоретик, а так как я делаю то, что мне нравится, очень хочется это кому-нибудь показать. С большим удовольствием мне работается в любом коллективе. В ансамбле музыкант может сделать больше, чем солируя. Там я не дирижер, я импровизатор. Готов в любой коллектив внести нужный именно ему особый тембр.

— Как "кельтский человек" посоветуйте детям, на какую музыку им опираться, если решат идти по вашим стопам? И кто сейчас исполняет традиционную кельтскую музыку по-настоящему?

— Мой любимый композитор в детстве был Беллини. А сейчас я восхищаюсь любой хорошей музыкой. Что касается имен в той области, какой я занимаюсь, у нас мне не нравится никто, даже мои коллективы. Все это пока на домашнем уровне. А вот несколько имен, заслуживающих внимания: группы "Dyves" и "Handsol", Ронни Браун из "Korries". Конечно, большое спасибо всем, кто помогает кельтской музыке в России: Каледонскому клубу, Центру искусств "Столица" в ЦДХ, антрепризе МСМ; меня был цикл традиционной музыки в "Английском подворье".

С В. Лазерсоном беседовала
П. СЕМЕНОВА.

2.2000.

Лазерсон Владимир